

Бродяги Севера

Автор:

Джеймс Кервуд

Бродяги Севера

Джеймс Оливер Кервуд

«Уже март был на исходе, когда черный медвежонок Нива в первый раз увидел свет. Его мать Нузак была уже старой медведицей и, как большинство пожилых существ, страдала ревматизмом и любила долго поспать. Поэтому, вместо того чтобы провести эту зиму, в которую у нее родился Нива, в самой обычной спячке в течение всего только трех месяцев, она провела в ней целых четыре, и Нива, который получил от нее жизнь именно во время этой глубокой спячки, выполз из берлоги почти двухмесячным медвежонком вместо того, чтобы быть всего только шестинедельным.

Чтобы выбрать себе для спячки берлогу, Нузак взобралась в пещеру на самой вершине голого горного кряжа, – и отсюда-то Нива и увидел в первый раз под собой долину. В первую минуту, выйдя из темноты на яркий солнечный свет, он даже ослеп. Он слышал, обонял и чувствовал около себя много кой-чего интересного, но видеть не мог. А Нузак, точно в удивлении от того, что вместо холода и снега ее окружили вдруг свет и теплота, несколько минут стояла неподвижно и только нюхала воздух и оглядывала свои владения...»

Джеймс Оливер Кервуд

Бродяги Севера

Глава I

Уже март был на исходе, когда черный медвежонок Нива в первый раз увидел свет. Его мать Нузак была уже старой медведицей и, как большинство пожилых существ, страдала ревматизмом и любила долго поспать. Поэтому, вместо того чтобы провести эту зиму, в которую у нее родился Нива, в самой обычной спячке в течение всего только трех месяцев, она провела в ней целых четыре, и Нива, который получил от нее жизнь именно во время этой глубокой спячки, выполз из берлоги почти двухмесячным медвежонком вместо того, чтобы быть всего только шестинедельным.

Чтобы выбрать себе для спячки берлогу, Нузак взобралась в пещеру на самой вершине голого горного кряжа, – и отсюда-то Нива и увидел в первый раз под собой долину. В первую минуту, выйдя из темноты на яркий солнечный свет, он даже ослеп. Он слышал, обонял и чувствовал около себя много кой-чего интересного, но видеть не мог. А Нузак, точно в удивлении от того, что вместо холода и снега ее окружили вдруг свет и теплота, несколько минут стояла неподвижно и только нюхала воздух и оглядывала свои владения.

В какие-нибудь две недели ранняя весна уже развернула в переменах свои чудеса в этой удивительной северной стране между реками Джексон и Шаматтава и с севера на юг между озерами Год и Черчилл.

Перед медведями открылась очаровательная картина. С высокого остроконечного утеса, на котором они стояли, все казалось точно залитым целым морем солнечного света, и только там и сям виднелись небольшие полянки белевшего снега в тех глубоких местах, куда его надуло ветром за зиму. Горный кряж подымался прямо с долины. Со всех сторон, насколько мог видеть человеческий глаз, виднелись темно-синие пятна лесов, сверкали еще не совсем растаявшие озера, отражали от себя солнечный свет ручейки и речки, и зеленые открытые пространства посылали от себя весенние ароматы. Эти запахи, точно что-то возрождающее, втекали старой медведице прямо в ноздри. Там, глубоко внизу, на земле, уже пробуждалась жизнь. Надулись почки у тополей и уж готовы были лопаться; трава выбрасывала нежные, душистые былинки; по стволам стал подниматься сок; подснежники и голубые перелески уже выглянули на солнечный свет и стали приглашать к себе на праздник Нузак и Ниву. И все это Нузак обоняла с опытностью и знанием уже минувших двадцати лет своей жизни – и сладостный аромат еловой и сосновой хвои, и сырой нежный запах от корешков водяных лилий и от лопавшихся пузырей на поверхности оттаивающего болота и у самой подошвы кряжа; и над всеми этими запахами – запах самой земли, претворяющей все индивидуальные ароматы в

один общий, великий поток жизни!

И Нива тоже обонял их. Его маленькое тело, все застывшее от удивления, в первое время дрожало, как лист, от зашевелившейся в нем жизни. Какие-нибудь минуты тому назад, выйдя из темноты, он вдруг увидел себя в такой сказочной стране, какая ему даже и не снилась. И в эти самые минуты над ним вдруг заработала природа. Сознания еще не было, но инстинкт уже зашевелился в нем. Он знал, что все это было его, что солнце и тепло было именно для него и что все, что было на земле прекрасного, было дано в удел ему. Он поводил по воздуху своим черным носиком, вдохнул в себя воздух и вдруг осознал остроту всего, что было прекрасно и чего следовало ему желать. И в то же время он прислушивался. Он насторожил вперед свои остроконечные ушки, и в них стал втекать шорох пробуждавшейся земли. Даже стебельки травы несли в них свою песню радости, потому что все в этой залитой солнцем долине гудело зеленым весенним шумом мирного края, еще не тронутого людьми. Повсюду звонко шумели ручьи бежавшей воды, и Нива услышал странные звуки, в которых сразу же почувствовал жизнь: щебетанье каменного воробья, серебристые ноты песенки черногрудого дрозда внизу на болоте, звонкий, торжествующий гимн ярко изукрашенной канадской сойки, разыскивавшей себе поудобнее местечко для гнездовья в бархатной бальзамической траве. А затем сверху над его головой вдруг раздался жалобный крик, заставивший его вздрогнуть. Тот же инстинкт подсказал ему, что этот крик сулит ему опасность. Нузак оглянулась и увидела тень от большого орла, который пролетал между землей и солнцем. Нива тоже увидел эту тень и в страхе прижался к матери.

И сама Нузак, такая старуха, что не досчитывалась уже и половины своих зубов, и такая уже одряхлевшая, что в холодные, ветреные ночи у нее болели все ее кости и стали уже слабыми глаза, как ни была стара, а все-таки с возраставшей радостью глядела на то, что расстилалось у ее ног. Ее взор блуждал по этой долине, среди которой оба они проснулись. Там, далеко, за стенами леса, за самым отдаленным озером, за реками и за долами, тянулись безграничные пространства, которые составляли ее дом. До нее донесся неуловимый звук, которого не постиг еще Нива, почти не усваиваемый ухом рокот громадного водопада. Это был рокот от тысяч ручейков оттаявшей воды и от мягкого дыхания ветра сквозь хвою и траву, которые весенней музыкой прыскали в воздух.

Затем она глубоко вздохнула во всю свою грудь и, побуждая ворчаньем Ниву, стала осторожно спускаться с ним между скал к подошве кряжа.

На золотой равнине оказалось еще теплее, чем было на вершине гребня. Нузак отправилась прямо к краю трясины. Несколько птиц с громким хлопанием крыльев вылетело из нее при их появлении, и это заставило Ниву испытать страх. Но Нузак не обратила на них внимания. Лягушка заявила громогласный протест против неожиданного появления Нузак и продолжала его затем громким кваканьем, от которого на спине у Нивы поднималась шерсть. Но Нузак и на это не обратила ровно никакого внимания. Нива заметил и это. Он все время следил за матерью, и инстинкт уже подготовил его ноги к тому, чтобы тотчас же бежать во всю прыть, как только она подаст ему для этого сигнал. В его забавной маленькой голове очень быстро создалось убеждение, что его мать представляла собою самое замечательное в мире создание. Судя по всему, она была самым большим живым существом, по крайней мере из всех тех, которые были снабжены ногами и двигались. Он убедился в этом в какие-нибудь две минуты, пока они проходили через болото. Здесь вдруг послышалось фыркание, раздавался треск ломавшегося прошлогоднего камыша и, шлепая по колену в грязи, вдруг появился громадный лось, раза в четыре больше, чем сама Нузак, и при виде ее тотчас же обратился в бегство. Нива вытаращил глаза. Все-таки и на него Нузак тоже не обратила ровно никакого внимания!

Тогда и сам Нива сморщил свой крошечный носик и заворчал, точь-в-точь так, как он ворчал на уши и шерсть Нузак и на те палки, на которые натыкался в темноте берлоги. Он сразу все отлично понял. Теперь он мог ворчать на все, на что бы только ни пожелал, как бы велико ростом ни было это все. Ведь это все убегало прочь при одном появлении его матери Нузак.

И весь этот первый яркий день прошел для Нивы в одних только открытиях, и с каждым часом он все более и более убеждался, что его мать была непререкаемой владицицей во всех этих новых для него и залитых солнцем местах.

Нузак была заботливой матерью и на своем веку дала жизнь уже двенадцати или пятнадцати поколениям медведей, а потому знала, что в этот первый день нужно было ходить как можно меньше, чтобы дать ножкам Нивы немного окрепнуть. Потому-то она и не задерживалась долго даже на этой мягкой трясине, а решила зайти по пути в ближайшую группу деревьев, где обыкновенно она ломала своими лапами у сосен сучья, чтобы добыть из-под их коры вкусный, липкий сок. После целого пиршества, состоявшего из разных корешков и луковичных растений, Ниве понравился этот десерт, и сам он, в свою очередь, попытался сдирать коготками кору с деревьев. До самого полудня

Нузак все ела и ела, до тех пор, пока не оттопырились у нее бока, а Нива, со своей стороны, то пососав материнского молока, а то покушав разных странных, но вкусных вещей, попадавших им по пути, не стал походить на барабан. Выбрав затем местечко, где от косых лучей солнца белая скала нагрелась так, точно печка, старая, обленившаяся Нузак прилегла отдохнуть, в то время как Нива, предоставленный самому себе, наткнулся вдруг в своих поисках приключений на яростного врага.

Это был громадный древесный жук-рогач в два дюйма длины. Его рога, которые он выставил спереди, были черны и походили на изогнутые железные гвозди. Он был весь совершенно черного цвета, и его точно выкованная из металла поверхность ярко сверкала на солнце. Нива лег на живот и с замиранием сердца стал следить, что он будет делать. Для него оказалось удивительнее всего то, что этот жук, находившийся от него на расстоянии всего только в какой-нибудь один фут, все-таки продолжал к нему приближаться! Это было и любопытно и в то же время и страшно. Первое за весь день живое существо, которое не испугалось и не убежало прочь! Медленно придвигаясь на своих шести ногах, жук издал дребезжащий звук, который Нива отлично расслышал; затем Нива нерешительно протянул к нему лапу. Тотчас же жук ошетинился и принял яростный вид. Его крылья зашевелились и загудели, точно пропеллер, клещи разжались так, что могли бы легко прищемить человеческий палец, и сам он стал вертеться на ногах, точно пустился в пляс. Нива отдернул лапу назад, и секунды две спустя жук успокоился и все-таки снова двинулся вперед.

Нива, конечно, не знал того, что все поле зрения жука ограничивалось всего только четырьмя дюймами в окружности и что далее этого он уже не видал; положение все-таки оставалось вызывающим. Но Нива был не таков, чтобы бежать от врага, даже несмотря на свой девятинедельный возраст. С отчаянным видом он снова вытянул лапу вперед, но, к несчастью, один из его тоненьких коготков нечаянно зацепился за жука и перевернул его вверх ногами так, что тот уже не смог ни жужжать, ни гудеть. Великая радость обуяла медвежонка. Дюйм за дюймом он стал приближать свою лапу к самой своей мордочке и делал это до тех пор, пока наконец не дотацил жука до самых своих зубов. Но здесь ему захотелось его понюхать. Это было для жука счастливым моментом. Его клещи сжались, и сон старой Нузак прервался от внезапного крика агонии. Когда она подняла голову, то Нива катался по земле, точно с ним случился припадок. Он фыркал, чихал и отплевывался. Нузак некоторое время пристально смотрела на него, а затем медленно поднялась и подошла к нему. Своею большой лапой она стала переворачивать его то так, то этак и вдруг увидела на нем жука, который крепко и решительно вцепился своими клещами ее детенышу

прямо в нос. Тогда она повалила Ниву на бок так, чтобы он не мог больше двигаться, и стала медленно сдавливать жука меж двух зубов, пока наконец он не разжал своих клещей. А затем она его съела.

До самых сумерек Нива носился со своим раненым носом. А перед тем, как стемнело совсем, Нузак заковыляла обратно к своей скале, и Нива пососал на ночь ее молока. Потом он угнездился ей под мышку, где оказалось очень тепло. Несмотря на все еще болевший нос, он чувствовал себя счастливым и к концу своего первого дня уже считал себя храбрецом, не боявшимся ничего, хотя ему и было всего только девять недель. Он вступил в свет, он видел много диковинных вещей и если и не остался в конце концов победителем, то все-таки великолепно провел свой первый день.

Глава II

В эту ночь у Нивы сильно разболелся живот. Вообразите себе младенца, только что отнятого от груди, который сразу же обожрался жареным мясом! То же случилось и с Нивой. По-настоящему ему следовало бы постепенно привыкать к грубой пище, по крайней мере с конца второго месяца, но в процессе интенсивного воспитания природа, казалось, сразу же принялась подготавливать его к великой и неравной борьбе, которая в недалеком будущем ожидала его впереди. Целые часы он простонал и проплакал, пока наконец Нузак не надавила ему своим носом на вздувшийся живот и его не вырвало тем, что было в нем лишнего. И ему стало легче.

После этого он заснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, то его поразило яркое зарево пожара. Вчера он видел солнце, ярко блестящее и золотое и затем куда-то скрывшееся. Но теперь, в это северное весеннее утро, он в первый раз в жизни увидел, как что-то вспыхнуло на самом краю света. Зарево было красно как кровь, и по мере того, как он глядел на него, оно все росло и расширялось, пока наконец не охватило целой половины неба и не выполз вдруг какой-то странный, громадный шар. В первую минуту Ниве показалось, что это какое-то чудовище, которое плыло из-за леса прямо на него, и он испугался и с визгом стал будить свою мать. Что бы это ни было, Нузак все равно не испугалась бы. Она повернула свою большую голову к солнцу и, прищурившись, с торжественным спокойствием стала наслаждаться. Тогда и Нива стал

чувствовать удовольствие от теплоты, исходившей от этого красного предмета, и, несмотря на все еще продолжавшееся первое возбуждение, вдруг замурлыкал от его ласки. Из красного солнце скоро превратилось в золотое, и вся долина сразу же преобразилась и зажила теплой, трепетной жизнью.

Около двух недель после этого первого в жизни Нивы восхода солнца Нузак оставалась вблизи своих скал и находившегося внизу болота. А затем наступил день, когда Ниве исполнилось одиннадцать недель, и он уже стал забегать в далекие темные леса и наконец готов был начать свои летние скитания. Его подошвы уже потеряли свою нежность, и он весил теперь уже целых шесть фунтов. Это было очень хорошо.

С того дня как Нузак отправилась наконец в свои скитания, для Нивы начались настоящие приключения. В темных таинственных глубинах лесов еще оставались залежи снега, которые еще не успело растопить солнце, и Нива скучал и плакал по теплой и светлой долине. Они прошли мимо водопада; и Нива впервые услышал рев низвергавшейся воды. Все глубже, темнее и угрюмее становился лес по мере того, как в него проникала Нузак. Здесь-то Нива и получил свои первые уроки по охоте. Дни шли за днями, и живые существа все пробуждались и выползали из-под повалившихся деревьев и из щелей в камнях, и Нива уже сам лично, без помощи матери, понял весь трепет и все возбуждение, которые вызывала в нем охота. Он опять встретил жука-рогача, но на этот раз уже убил его. Покончил он и с лесной мышью, впервые попавшейся ему по дороге. В нем очень быстро стали пробуждаться инстинкты его отца, который находился теперь в третьей или четвертой долине к северу от них и который никогда не упускал случая вступить с кем-нибудь в борьбу. К концу мая, то есть на четвертом месяце своей жизни, Нива уже ел все, что только мог убить такой медвежонок, как он.

Это было в начале июня, когда неожиданный случай вдруг сразу внес в жизнь Нивы радикальную перемену. Был теплый, мягкий, солнечный день, и старая Нузак сочла себя вправе после сытной еды поваляться некоторое время на солнце. Они только что вышли из невысокого леса и спустились на луг, через который, извиваясь между каменистыми берегами, тек по белому песочку неглубокий, быстрый ручей. Нива же спать был не охотник. Он всегда предпочитал сну наслаждение ярким полуденным солнцем. Маленькими круглыми глазками он озирался по сторонам на этот удивительный мир, и ему казалось, что все в нем манило его к себе. Он оглядывался на свою мать и жалобно повизгивал: опыт говорил ему, что она будет оставаться глухой ко

всему внешнему миру целые часы, пока наконец он не потеряет терпения и не укусит ее за ногу или не потреплет за ухо, и только тогда она вскочит и только затем, чтобы на него огрызнуться. Ему это уже надоело. Ему хотелось чего-нибудь более интересного, и он решил предаться своим приключениям самостоятельно.

В этот же самый день, когда уже садилось солнце, какой-то человек, стоя на коленях и упершись руками в землю, исследовал полосы песка, протянувшиеся на целые пять или шесть миль вдоль ручья. Рукава у него были засучены кверху, обнажая до половины загоревшие руки, и голова была непокрыта, так что вечерний ветерок развеивал его лохматые белокурые волосы, которые вот уже восемь или девять месяцев не видали ножниц и подстригались только охотничьим ножом.

По одну сторону этого индивидуума стояло железное ведро, а по другую, следя с величайшим интересом за каждым его движением, сидел самый неуклюжий и самый ласковейший щенок, который когда-либо рождался от отца макензийской породы и от матери-полукровки из эрдельской и шпицбергенской пород.

С этой трагической смесью в своей крови щенок представлял собою только то, что принято называть «настоящей собакой». Его вытянутый по песку хвост был длинен и показывал все свои позвонки; его лапы, точно ступни у мальчишки-подростка, были похожи на маленькие перчатки для бокса; его голова была в три раза больше, чем это полагалось бы соразмерно его телу, и, по какой-то случайной прихоти матери-природы, одно ухо у него было вдвое короче другого. Когда он следил за своим хозяином, то это половинное ухо торчало, точно гальванизированная кожа, тогда как другое, вдвое длиннее его, наострялось вперед с глубочайшим вниманием и с самым пытливым интересом. Голова, ноги и хвост были у него чисто макензийской породы, а уши и худощавое, короткошерстное тело говорили о тяжелой борьбе между эрдельской и шпицбергенской породами. В своем теперешнем негармоническом виде он представлял собою самого обычного щенка, какие обыкновенно бегают по задним аллеям парков в больших городах.

За несколько минут подряд его хозяин заговорил только в первый раз, и Мики всем своим существом показал, как он высоко ценит то, что его слова были обращены именно к нему.

– А здесь медведица и медвежонок! – воскликнул хозяин. – Это верно так же, как и то, Мики, что ты еще молокосос. И если я еще хоть что-нибудь понимаю в медведях, то будь уверен, что они прохаживались здесь только сегодня!

Он поднялся на ноги и стал наблюдать за тем, как глубокие тени уже стали окутывать лес. Затем он наполнил ведро водой. На несколько секунд последние лучи солнца осветили его лицо. Это было энергичное, полное надежд лицо. Оно пылало от радости жизни. И сейчас оно зажглось внезапным вдохновением, и глаза человека засверкали.

– Мики, – продолжал он, – за то, что ты такая еще неотшлифованная сокровищница добродушия и красоты, я отвезу твою дурацкую персону в подарок одной девице и знаю, что она за оба эти качества тебя полюбит. Только бы вот захватить с собою и этого медвежонка!..

Он стал насвистывать и, взяв ведро с водой, направился к зеленому лужку, находившемуся от него ярдах в ста.

За ним последовал по пятам и Мики.

Чаллонер, только недавно назначенный фактором от Великой Компании Гудзонова залива, расположился лагерем на берегу озера при самом впадении в него ручья, содержавшего золотой песок. Для этого ему понадобилось немного: старая палаша, еще более изношенная лодка и пук соломы для подстилки. Но для человека чуткого к внешнему виду лесов и к массе звуков, исходящих от них, с первого же проблеска рассвета повсюду открываются целые тома жизни. Это был представитель той расы людей, которые безбоязненно отправляются хоть на самый край света. Все его богатство составляло то, что было в нем и на нем. В этих остатках от его лодки и палатки, прошедших с ним в течение годовой борьбы за существование сквозь огни и воды и медные трубы, было для него что-то дружески-человеческое. Вся лодка была покороблена, избита и заплатана, его палатка так почернела от дыма и ветров, что была такого цвета, как копченая рыба, а его запасы провизии уже давно пришли к концу.

Над небольшим костром уже кипело содержимое его чайника и кастрюли, когда он вернулся к себе вместе с Мики, который неотступно бежал следом за ним; на углях стояла треснувшая, но починенная сковорода, на которой уже зарумянились лепешки на муке с водой. В чайнике кипел кофе, а в кастрюле

варилась рыба.

Мики угловато присел на задние ноги с таким расчетом, чтобы запах от рыбы тянул ему прямо в нос. Он нашел, что это было именно то, чего бы он с удовольствием теперь поел. Когда он следил за последними приготовлениями Чаллонера, готовившегося приняться за еду, то его глаза светились как два граната, и после каждого третьего или четвертого дыхания он облизывался и проглатывал слюну. Отсюда-то он и получил свою кличку. Он был вечно голоден и всегда был готов есть, как бы сыт ни был. Поэтому ему и дано было имя Мики, что значит барабан.

Поев рыбы и лепешек, Чаллонер закурил трубку и наконец высказал то, что у него было на уме.

- Завтра я пойду на медведя, - сказал он.

Прикорнув у потухавшего костра, Мики застучал о землю хвостом, точно это была палка, а не хвост, чтобы доказать этим, что он слушает.

- Я повезу тебя к девице вместе с медвежонком. Она с ума сойдет от радости.

Мики застучал хвостом еще чаще прежнего. «Отлично!» - казалось, хотел он ответить.

- Только подумать, - продолжал Чаллонер, глядя вверх головы Мики на целую тысячу миль вперед. - Целых четырнадцать месяцев - и вдруг мы возвращаемся с тобой к людям! Я повезу тебя и медвежонка одной девице в подарок. Что ты на это скажешь? Ты и понятия не имеешь, как она любит таких маленьких дьяволят, как ты, иначе ты не смотрел бы на меня таким дураком! И не твоей глупой башке понимать, что это за девушка! Видишь этот солнечный закат? Так она лучше его, на то она и моя избранница. О чем бы еще поговорить, Мики? Впрочем, больше не о чем; давай-ка лучше помолимся, да и на боковую!

Чаллонер встал и потянулся... Все суставы в нем захрустели. Он почувствовал в себе гигантскую силу.

А Мики, до сих пор все еще барабанивший хвостом, вскочил на лапы, побежал за хозяином и спрятался к нему под одеяло.

Глава III

Чуть-чуть брезжило раннее серенькое летнее утро, когда поднялся Чаллонер и развел огонь. Несколько позже вышел и Мики. Хозяин обвязал один конец веревки, оторванной от палатки, вокруг его шеи, а за другой привязал его к дереву. Другую веревку такой же длины он прикрепил к углам мешка из-под съестных припасов, так что его можно было перекинуть через плечо, как охотничий сак. Едва только стал алеть восток, как он уже был готов отправиться по следам Нивы и его матери. Поняв, что его не захотели взять с собой, Мики жалобно завыл, и когда Чаллонер обернулся назад, то увидел, что щенок бился на привязи и прыгал, как паяц, которого дергали за ниточки. Пройдя целую четверть мили вдоль ручья, он все еще мог слышать, как Мики громко и визгливо высказывал свой протест.

Чаллонер так рано начал свой день не из-за одного только личного удовольствия и не потому только, что ему хотелось увезти медвежонка вместе с Мики. Он нуждался в мясе, а в эту пору медвежатина была наиболее питательной; кроме того, у него не хватало уже жиров. Если бы ему удалось прикончить эту медведицу, то этим самым сократилось бы время для того, чтобы поскорее вернуться к цивилизации. Было уже восемь часов, когда он безошибочно набрел на свежие следы Нузак и Нивы. Это было на том месте, где Нузак четыре или пять дней тому назад ловила рыбу и куда они только вчера приходили еще раз, чтобы отдохнуть после еды. Чаллонер был в восторге. Теперь он был уверен, что найдет эту парочку где-нибудь около ручья и не на далеком расстоянии. Ветер был для него благоприятен, и с громадными предосторожностями и с ружьем наготове он стал продвигаться вперед. Он прошел спокойно и уверенно около часа, прислушиваясь к каждому звуку и движению и то и дело смачивая себе палец, чтобы уследить, не переменил ли направление ветер. Кроме того, не все ведь зависело и от воли самого человека. Но все сложилось в пользу Чаллонера.

В широкой плоской части долины, где ручей разбивался на несколько маленьких рукавов и вода текла между песчаными отмелями и каменистыми грядами, Нива и его мать не спеша ловили себе на завтрак раков. Никогда еще мир не казался

Ниве таким прекрасным, как теперь. Его мягкая шерсть на спине сделалась от солнца нежною, как пух, точно у мурлыкавшего котенка. Он с удовольствием пошлепывал голыми ступнями по влажному песку, и ему нравилось, когда вода с плеском ударялась об его пятки. Он любил все звуки, раздававшиеся вокруг него: дыхание ветерка, шепот в вершинах сосен и кедров, журчание воды, попискивания кроликов в камнях и крики птиц; но более всего на свете он любил низкие, ласковые поварчивания своей матери.

Вот на этой-то согретой солнцем равнине Нузак и почувяла первые признаки надвигавшейся беды. При внезапном дуновении ветерка до нее донесся запах человека!

Она тотчас же повернула к скалам. У нее еще до сих пор был на плечах глубокий рубец, который несколько лет тому назад она получила точь-в-точь при таком же запахе врага, которого она так теперь опасалась. Целые три года она не обоняла его и даже почти забыла о его существовании. И вот вдруг опять он, теплый и страшный, донесся до нее вместе с дыханием ветерка и заставил ее остолбенеть. Казалось, что и Нива тоже в эту минуту почувял близость грозившей опасности. Он остановился как вкопанный черным пятнышком на белом песке, всего только в двухстах шагах от Чаллонера, вперив взоры в мать, и его чуткий носик старался понять значение опасности, которую доносил до него ветер.

А затем случилось то, чего он еще ни разу в жизни не слышал: раздался оглушительный, потрясающий гул, что-то похожее на гром, но вовсе не гром; и он увидел, что его мать зашаталась на том месте, где стояла, и затем тотчас же припала на передние лапы.

Но уже в следующий за тем момент она поднялась с таким диким рычаньем, какого он от нее не слышал и в котором он понял для себя приказ спасаться во что бы то ни стало.

Как и все матери, которым дано в удел самим нянчить и любить своих детей, Нузак прежде всего подумала о Ниве. Дотянув до него лапу, она угостила его шлепком, и Нива тотчас же со всех ног пустился искать убежища в ближайшем лесу. Нузак последовала за ним. Раздался второй выстрел, и как раз над ее головой с ужасным, визгливым звуком пролетела пуля. Но Нузак не торопилась. Она плелась позади Нивы, все время подгоняла его и как будто не чувствовала той адской боли, которую пуля, точно раскаленное докрасна железо, причиняла ей в паху. Они добрались наконец до опушки леса, когда Чаллонер послал ей

вдогонку третий выстрел, на этот раз поразивший ее между передних ног.

Еще один момент – и медведи находились уже под защитой леса. Инстинкт заставил Ниву забраться в самую глушь, а позади него, все еще борясь со смертью и стараясь его прикрыть собою, шла за ним Нузак. Ее мозг стала завлакивать какая-то глубокая, непроницаемая тень, что-то такое, от чего глаза ее вдруг перестали видеть, и она поняла из этого, что ее жизненный путь уже приходит к концу. Прожив целые двадцать лет на свете, она теперь боролась из-за своих последних двадцати секунд. Она оставила Ниву около густого кедра и, как делала неоднократно и раньше, приказала ему на него взлезть. И тут-то, точно желая приласкать его в последний раз, она лизнула его горячим языком. А затем приготовилась к своей последней борьбе.

Увидев приблизившегося Чаллонера, она поднялась на дыбы и еще за пятьдесят шагов от кедра остановилась и стала его поджидать, все-таки повалив голову между плеч и тяжело дыша, а ее глаза угасали все более и более, пока наконец, испустив глубокий вздох, она не повалилась вдруг на землю, загородив собою дорогу своему врагу.

Когда Чаллонер подошел к ней, то она была уже мертва.

Со своего укромного местечка в самой густоте кедра Нива наблюдал за этой первой трагедией в его жизни и за тем, как приближался к нему человек. Вид двуногого зверя заставил его забраться еще глубже в хвою, и сердце забилось в нем от охватившего его ужаса. Он рассуждать не мог. То, что с ним случилось, было для него выше всякого рассуждения, как и то, что именно этот высокий двуногий зверь был причиной всего. Его маленькие глазки сверкали и готовы были выскочить из орбит. Он удивлялся, почему его мать не встанет сейчас на дыбы и не задаст хорошей встрепки этому врагу. Испуганный до последней крайности, он готов уже был слезть с дерева и бежать к матери, чтобы ее разбудить, но ни один мускул на ее крупном теле не двигался и к тому же около нее стоял, наклонившись, Чаллонер и оглядывал ее. Она точно окаменела.

Чаллонер даже покраснел от удовольствия. Правда, он стал убийцей, но по нужде. Он смотрел на роскошную шубу Нузак и на такое большое количество ее мяса, которого хватило бы для него на всю дорогу до самого дома. Он приставил винтовку к стволу дерева и стал разыскивать глазами медвежонка. Он знал повадки диких зверей и потому был уверен, что зверек находится где-нибудь поблизости от матери; поэтому он стал обшаривать ближайшие кустарники и

оглядывать вершины деревьев.

Нива сидел, свернувшись, как шарик, на самой вершине, спрятавшись за густыми ветвями. Целые полчаса Чаллонер безуспешно разыскивал его, а затем махнул рукой и, решив заняться препарированием Нузак, пошел к ручью попить воды.

Как только он отошел, Нива тот час же высунул свою голову из засады. Выждав несколько минут, он сполз с кедра на землю. Он жалобно позвал к себе мать, но та не двинулась. Тогда он подошел к ней сам и стал около ее неподвижной головы, нюхая отравленный запахом человека воздух. Затем он стал тыкаться носиком в ее щеки, подсовывать его ей под шею и, наконец, стал дергать ее за ухо – его обычная манера ее будить. Но все это ставило его в тупик. Тогда он горько заплакал, взобрался к матери на мягкое тело и уселся на нем. Сперва в его плаче звучала какая-то странная нота, а потом он не выдержал и изо всех сил зарыдал так, как рыдает обыкновенно только человеческий ребенок.

Возвращаясь назад, Чаллонер услышал этот плач, и что-то вдруг больно отозвалось в его сердце и смутило его. Да, это был совсем детский плач! Плач ребенка, лишившегося матери.

Спрятавшись за карликовую сосну, он стал глядеть оттуда на Нузак и увидел, что Нива все еще сидит на спине у матери. Он убил на своем веку много разных зверей, так как убивать их составляло его профессию, как и выменивать шкуры зверей, убитых другими. Но он не видел раньше ничего подобного и почувствовал себя действительно виноватым.

– Мне жалко тебя... – прошептал он. – Бедняжка!.. Мне тебя жаль!

Это звучало почти просьбой о прощении. Но кончать дело все-таки надо было. Так тихо, что Нива не мог услышать, он подполз к нему против ветра и подкрался к нему сзади. Он был от него всего в каких-нибудь полтора сажнях, когда Нива понял наконец опасность. Но было уже поздно. Быстрым скачком Чаллонер уже был около него и прежде, чем Нива успел оставить спину матери, он накинул на него мешок.

За всю свою жизнь Чаллонер не испытывал более забавных пяти минут, как те, которые последовали вслед за этим. Несмотря на все свое горе и весь свой

страх, Нива вдруг почувствовал, как в нем заговорила драчливая кровь его отца. Он стал царапаться, кусаться, лягаться и рычать. За эти пять минут в нем перебивало сразу пять дьяволят, и пока Чаллонер обвязывал ему шею веревкой и вталкивал его толстенькое тело к себе в мешок, все руки у него были искусаны и исцарапаны во многих местах.

Нива продолжал биться и в мешке до тех пор, пока не выбился наконец из сил и не перестал. А тем временем Чаллонер снимал с Нузак шкуру и срезал те куски мяса и жира, которые казались ему наиболее пригодными. Красота шкуры Нузак заставила заблестеть его глаза. Он завернул в нее куски мяса и жир, сложил ее за четыре угла так, как обыкновенно пеленают ребенка, привязал к ней ремни и перекинул их через плечи. Согнувшись под тяжестью полутора пудов, которые весили шкура и мясо, он взял свое ружье и Ниву. Было уже около полудня, когда он отправился в путь. А когда он добрался наконец до своего лагеря, то солнце уже садилось. Буквально всю дорогу, пока не осталось всего только какой-нибудь полумили до дома, Нива сражался, как Спартак.

Под конец он обессилел и лежал в мешке почти без признаков жизни и когда, почуяв что-то подозрительное, Мики подошел к его тюрьме, то он ни одним движением не выказал протеста. Теперь для него смешались уже все запахи, и он уже не различал никаких звуков. Чаллонер же едва доплелся до дому. Все кости и мускулы у него болели. Но на вспотевшем и загорелом лице все-таки светилась гордость.

– Ах ты, храбрец! – сказал он, глядя на лежавший спокойно мешок и вытряхивая свою трубку, первую с самого полудня. – Бедовый ты чертенок!

Он привязал конец веревки от шеи Нивы к дереву и стал осторожно высвобождать его из мешка. Затем он вывалил его на землю и отошел несколько назад.

Теперь уже Нива был готов на любое перемирие по усмотрению Чаллонера. Но не его первого увидал он, вывалившись из мешка. Он увидел Мики! А Мики, вне себя от любопытства, вертелся тут же своим неуклюжим телом и так и знал по запаху заранее, что это непременно должен быть какой-нибудь интересный гость.

Глазки Нивы засверкали. Ну а этот неуклюжий, карнаухий отпрыск из клевретов человека-зверя был тоже его врагом, да? Эти неловкие извивы тела этого нового существа и помахивание хвостом, точно палкой, тоже были вызовом на бой? Он так думал. Во всяком случае, это существо было одинакового с ним роста. И в мгновение ока, насколько позволила ему веревка, он бросился на щенка. Мики, который за момент до этого только лез к нему со своими дружбой и лаской, тотчас же был ниспровергнут на спину, его забавные лапы задрыгали в воздухе, и его жалобные вопли о помощи скоро превратились в дикий вой, невыносимым страданием огласивший золотую тишину начинавшегося вечера.

Чаллонера это поразило. В следующий за тем момент он хотел было развести маленьких забияк, но что-то такое произошло, что остановило его. Стоя прямо над Мики, который поднял кверху все четыре свои лапы, точно признавая себя уже побежденным, Нива медленно отвел свои зубы от нежной кожи щенка. На этот раз он увидал перед собою уже двуногого зверя – Чаллонера. Инстинкт, более тонкий, чем не окрепший еще рассудок, заставил его на некоторое время сдержаться и устремить свои круглые, как бусы, глазки на Чаллонера. А между тем Мики все еще продолжал болтать в воздухе ногами; он умоляюще скулил; его твердый хвост стучал по земле, точно это была просьба о пощаде; он облизывался и извивался, точно хотел этим убедить Ниву, что он даже и намерения не имел причинить ему хоть какую-нибудь неприятность. А Нива, уставившись на Чаллонера, презрительно ворчал. Затем он, не спеша, сполз с Мики. А щенок, все еще боясь тронуться с места, продолжал лежать на спине и дрыгать в воздухе ногами.

С выражением удивления на лице Чаллонер очень медленно отправился к палатке, вошел в нее и стал наблюдать оттуда сквозь дырочку в полотне.

Выражение злобы вдруг сошло с мордочки у Нивы. Он посмотрел на щенка. Быть может, в каком-нибудь отдаленном уголке его мозга наследственный инстинкт подсказал ему, что он мог потерять в щенке то, чего был лишен, благодаря отсутствию еще не родившихся братьев и сестер, – а именно друга детства, компаньона в детских играх. И Мики, со своей стороны, почуял перемену, сразу происшедшую в этом маленьком, черном, озлобившемся существе, которое только что было его врагом. И он радостно заработал своим хвостом и протянул к Ниве передние лапы. А затем, все еще опасаясь возможной случайности, он завертелся около его бока. Нива все еще не шевелился. Мики радостно стал прыгать.

А минутой позже, глядя сквозь дырочку в своей палатке, Чаллонер уже видел, что они стали осторожно обнюхивать друг у друга носы.

Глава IV

В эту ночь шел холодный мелкий дождь, надвинувшийся с северо-востока. Встав с туманной зарей, Чаллонер вышел, чтобы разжечь костер, и под ветками ели увидел Мики и Ниву. Оба тесно прижались один к другому и крепко спали.

Первым увидел человека медвежонок, и, прежде чем мог вскочить и щенок, Нива уже устремил свои сверкавшие глазки на этого странного врага, который так жестоко перевернул всю его жизнь. Изнурение от пережитого заставило его проспать столько часов подряд в эту первую ночь его плена, а во сне он позабыл о многом. Но теперь он снова вспомнил обо всем и, забившись еще глубже под ветви ели, стал плакать о своей матери так тихо, что его мог слышать только один Мики.

Мики же сразу чуть не завыл: он медленно развернулся из клубочка, свернувшись в который лежал, потянулся на своих длинных, переросших ногах и зевнул так громко, что звук от этого зевка дошел даже до Чаллонера. Он обернулся и увидел пару глаз, устремленных на него из лазейки под ветвями ели. Щенок насторожил оба свои уха – и целое, и половинку другого, – точно с безграничной радостью хотел убедить своего хозяина, что он предан ему бесконечно, до гробовой доски. Мокрое от дождя и загоревшее от бурь и ветра в течение целых четырнадцати месяцев, проведенных на дальнем севере, лицо Чаллонера, точно в ответ на это приветствие Мики, осветилось улыбкой, и щенок завертелся, завилял хвостом, запрыгал, стараясь в самых причудливых судорогах выразить, как он счастлив, что хозяин улыбнулся именно ему.

Когда таким образом все убежище под ветками освободилось для одного только Нивы, то он забился в самую глубину его, так что была видна оттуда только одна его круглая голова, и из этой своей временной засады он стал пристально глядеть своими яркими маленькими глазками на убийцу своей матери.

Живо представилась ему вся вчерашняя трагедия – теплое, залитое солнцем русло речки, в которой он и его мать Нузак ловили себе на завтрак раков,

появление этого двуногого зверя, гул от странного грома, их бегство в лес и конец всему, когда его мать повернулась лицом к лицу к своему врагу. И не о смерти матери он вспомнил с такою горечью в это утро. Ему пришли на ум его собственная ужасная борьба с этим белым человеком и затем барахтанье в темных, душных глубинах мешка, в котором Чаллонер нес его к себе на стоянку. Даже и теперь еще Чаллонер сколько угодно может посматривать на царапины на своих руках! И ему тоже досталось на орехи! Вот он приблизился на несколько шагов и весело взглянул на Ниву, так же весело и добродушно, как только что глядел на этого угловатого щенка Мики.

Глазки Нивы метнули искры.

– Я же говорил тебе вчера, что сожалею о том, что произошло, – сказал Чаллонер таким тоном, точно разговаривал с равным себе.

В некоторых отношениях Чаллонер представлял собою необыкновенного человека, совершенно необычный тип на далеком севере. Он, например, верил в своего рода специальную психологию животного и вполне допускал, что если с животными обращаться и разговаривать, как с людьми, то всегда легко бывает добиться от них настоящего понимания, которое он, будучи не совсем образованным человеком, считал за разум.

– Я ведь говорил тебе, что мне жаль, – повторил он, опустившись на корточки перед ветками, из-под которых светились глазки Нивы, – и я это признаю. Мне грустно, что я убил твою мать. Но ведь нужны же нам с Мики мясо и жир? Кроме того, и я и Мики очень довольны, что ты теперь у нас. Мы повезем тебя с собой к некой девице, и если ты не добьешься от нее любви, то, значит, ты самое ничтожное и глупое создание в мире и вовсе не заслуживаешь матери. Ты и Мики будете как братья. Его мать тоже умерла, скончалась от чахотки, а это, братец, похуже, чем смерть от пули, попавшей в легкие. Мики я нашел так же, как и тебя; он прижался к своей матери и плакал так, точно для него ничего уж больше и не оставалось на свете. Поэтому развеселись хоть немного и давай лапу! Ну, совершим рукопожатие!

Чаллонер протянул к медвежонку руку. Нива не двинулся и лежал, как камень. Немного раньше он заворчал бы и оскалил бы зубы. Но теперь он уже притих. Какое странное существо сидело перед ним на корточках! Вчера оно не причинило ему вреда, если не считать того, что сунуло его в мешок. И сейчас не собирается обижать его. Даже более. его тон не груб и не угрожает. Вот он

перевел глаза на Мики. Щенок засуетился во все стороны около его коленей и с удивлением посмотрел на Ниву, точно хотел задать ему вопрос: «Почему ты не вылезашь из-под веток и не желаешь с нами позавтракать?»

Чаллонер протянул руку еще ближе, и Нива все время пятился от нее назад, пока наконец стало уже некуда. Затем вдруг случилось чудо, рука двуногого зверя коснулась его головы. И Нива почувствовал, что его передернула от этого какая-то странная, неприятная дрожь. Но рука все-таки не причинила ему вреда. Если бы он сам не забился так глубоко, то, наверное, царапнул бы ее или укусил бы. Но он не смог сделать ни того ни другого.

Чаллонер стал медленно перебирать пальцами в пушистой шерстке на затылке у Нивы. Заподозрив, что должно было случиться что-то неожиданное, Мики насторожился. Вслед за тем пальцы Чаллонера вдруг сжались, и в ту же минуту он потянул Ниву к себе и стал держать его от себя на расстоянии вытянутой руки. Медвежонок забился, стал высвобождаться и так завизжал, что из искренней симпатии к нему Мики тоже возвысил свой голос и присоединился к какофонии. Полминуты спустя Чаллонер опять посадил Ниву в мешок, но на этот раз так, что голова медвежонок выходила из него наружу, и завязал этот мешок туго вокруг его шеи очень прочной, крученой бечевкой. Таким образом, три четверти Нивы оказались в мешке, а голова вылезала наружу: Нива походил теперь на спеленатого ребенка.

Оставив медвежонок кататься и выражать свои протесты визгом, Чаллонер принялся за приготовление завтрака. Последствия показались Мики более интересными, чем сама операция, произведенная его хозяином, и потому он стал носиться вокруг Нивы, который бился в мешке изо всех своих сил, стараясь из простой симпатии оказать ему хоть какую-нибудь помощь. Но под конец Нива примирился, и Мики уселся около него и с серьезным видом, если не с упреком, стал смотреть на своего хозяина.

Серое небо прояснилось и пообещало послать солнечные лучи, когда Чаллонер уже окончательно собрался возобновить свое путешествие на юг. Он стал нагружать свою лодку, оставив Ниву и Мики на самый последок. На носу в лодке он устроил мягкое, уютное гнездышко из шкуры медведицы. Затем он подозвал к себе Мики и привязал к его шее один конец веревки, а другой обмотал вокруг шеи Нивы. Таким образом, щенок и медвежонок оказались на привязи один у другого на пространстве всего только одного аршина. Взяв затем эту парочку за шиворот, он отнес ее на лодку и поместил в гнездо из шкуры Нузак.

– Ну, ребята, теперь будьте умниками! – сказал он. – Нам нужно сегодня сделать целые сорок миль, чтобы наверстать время, потерянное вчера!

И как только лодка отплыла, облака прорвались, и с востока прыснул на них солнечный луч.

Глава V

В течение первых минут, пока лодка быстро скользила по поверхности озера, странная перемена вдруг произошла в Ниве. Чаллонер не заметил ее, да и Мики ее не понял. Но в Ниве дрожал каждый фибр, и сердце его затрепетало от радости, как и в те солнечные дни, когда он гулял вместе со своей матерью. Ему показалось, что к нему вернулось все, что он потерял, и что теперь все будет обстоять как нельзя лучше, потому что он почуял свою мать! А затем он вдруг открыл, что этот теплый и сильный запах исходил от черной шкуры, на которой он сидел, и постарался прижаться к ней поплотнее. Он лег прямо на живот, протянул перед собою передние лапы, положил на них голову и уставился на Чаллонера.

Ему трудно было понять, почему здесь сидел на корме этот человек-зверь и гнал свою лодку по воде и почему именно под ним, медвежонком, находилась сейчас его мать, теплая и мягкая, но совершенно недвижимая. Он не удержался и завыл, чтобы низким, полным отчаяния голосом позвать к себе мать. Но ответа не последовало, и только завыл, в свою очередь, Мики – тоже осиротевшее дитя другой матери. А мать Нивы все еще не двигалась. Даже не издала звука. Кроме черной, пушистой ее шкуры без головы, без ног, без больших, плоских ступней, которые он так любил щекотать, и без ушей, за которые он так любил дергать, он не видел ничего. От нее не осталось ничего, кроме этой обрезанной со всех сторон шкуры и запаха.

Но удобство помещения согрело его испуганную маленькую душу. Он чувствовал покровительственную близость непобедимой и ограждавшей его силы, и в первый раз за все время его спина взъерошилась от теплого солнечного света, и он протянул еще дальше передние лапы и уткнулся между ними черным носиком в мех матери. Точно потеряв всякую надежду разрешить тайну своего

нового друга, Мики также положил морду между передними лапами и стал пристально за ним наблюдать. В его комичной голове с одним длинным ухом, а другим вдвое короче, с нелепыми, торчавшими в разные стороны бакенбардами, унаследованными им от его эрдельских предков, он старался прийти хоть к какому-нибудь решению. С самой первой же минуты он встретил Ниву как друга и сверстника, – и Нива неблагодарно отплатил ему за это его отношение здоровой трепкой. Мики мог это простить и даже забыть. Но чего он не мог ему простить ни за какие коврижки, так это крайне злобных взглядов, которыми обливал его Нива. Его шутовские заигрывания не производили на него ровно никакого впечатления. Когда он лаял на него и прыгал вокруг него, ползая на животе и извиваясь, как змея, с любезным приглашением поиграть с ним в пятнашки или устроить примерную борьбу, то Нива смотрел на него, ничего не понимая, как дурак. И он задавал себе вопрос: быть может, Ниве нравится что-нибудь еще, кроме борьбы? Прошло много времени, прежде чем он решил попробовать сделать что-нибудь в другом направлении.

Было, по его мнению, столько времени, сколько могло пройти от завтрака до половины пути к обеду.

Все это время Нива едва шевелился, и Мики с ним стало скучно до смерти. Неудобства, пережитые от бури за истекшую ночь, уже были забыты, и над головой сияло солнце, не скрываемое ни малейшим облачком. Уже более часа тому назад лодка Чаллонера оставила озеро и теперь вошла в прозрачную, быструю реку, которая бежала из этого озера на юг в водоразделе между Джексоновым Коленом и Шаматтавой. Эта река была еще незнакома Чаллонеру. Она питалась водою из озера, и, опасаясь предательских порогов и быстрин, он все время держал себя начеку. Целых полчаса река текла все быстрее и быстрее, и Чаллонер был доволен тем, что ему удастся совершить переезд скорее, чем он предполагал. Но немного позднее он вдруг слышал долетевший до него спереди низкий и непрерывный шум, который дал ему понять, что он приближался к опасным местам. Когда он миновал ближайший поворот, круто опоясывавший берег, то в четырехстах или пятистах ярдах ниже увидел перед собою торчавшую из воды скалу и около нее целый водоворот.

Глаз его быстро определил положение. Поток устремлялся между почти отвесно нависшим берегом с одной стороны и дремучим лесом с другой. Одним взглядом он определил, что проплыть под лесом для него будет удобнее, чем под скалой, но лес находился от него на противоположной стороне и сравнительно далеко. Поставив лодку под углом в 45°, он изо всех сил приналег и телом и руками на

весла. Еще оставалось время добраться до противоположного берега раньше, чем начнутся опасные места. Несмотря на шум от течения, теперь он мог отлично слышать доносившийся до него рев водопада снизу.

Тут, не в добрый час, Мики пришло в голову еще раз попытаться поближе сойтись с Нивой. Он дружески замахнулся на него лапой. Для щенка лапа Мики была несоразмерно велика, а самая нога – длинна и худощава, так что когда он зацепил ею Ниву за нос, то это походило на удар в боксе. Неожиданность этого удара повлекла за собою решительную перемену в положении; вдобавок Мики размахнулся и второй передней лапой и, точно палкой, хватил ею Ниву по самому глазу. Это было уже слишком, даже со стороны друга, и, внезапно заворчав, Нива выскочил из своего гнезда и сцепился со щенком.

Теперь случилось как раз наоборот: так унижительно просивший пощады во время первой схватки Мики оказался в самом воинственном настроении. Помесь макензийской породы, высоконогой, широкогрудой и самой сильной на севере, с полукровкой от эрделя и шпица должна была в чем-нибудь сказаться. И вот, всегда добродушный, Мики вдруг превратился в дьявола. На этот раз он уже не просил о пощаде. Он принял вызов Нивы, и не прошло и двух секунд, как они уже затеяли первоклассный поединок на маленьком, ненадежном пространстве на носу утлой ладьи.

Напрасно кричал на них Чаллонер, выбиваясь из сил, чтобы избежать опасных порогов. Нива и Мики были слишком заняты собой, чтобы его услышать. Опять все четыре ноги Мики задрыгали в воздухе, но на этот раз его острые зубы крепко впились в шею Ниве. Он продолжал дрыгать и бить ногами так, что можно было поручиться, что от Нивы не осталось бы и мокрого места, если бы не случилось то, чего так опасался Чаллонер. Сцепившись вместе в один комок, они прямо с носа лодки свалились в самую быстрину реки.

Около десяти секунд они безнадежно провели под водой. Затем они показались на поверхности в добрых пятидесяти футах ниже его, прижавшись друг к другу головами, и их быстро относило к тому месту, где их ожидала неминуемая гибель. Чаллонер кричал изо всех сил. Для него было невозможно спасти их, и в его крике слышались ноты настоящего, острого горя, потому что вот уже несколько недель Мики был для него единственным другом и товарищем.

Привязанные один к другому веревкой всего только в один аршин длиной, Мики и Нива плыли прямо к пенившемуся водовороту порогов. Для Мики это было

прямо счастьем, что его хозяину пришло в голову привязать его на одну и ту же веревку с Нивой. Будучи трех месяцев, Мики состоял из восьмидесяти частей костей и всего только одной части жиров и весил целых четырнадцать фунтов, тогда как в Ниве было девяносто частей жиров, и он весил всего тринадцать фунтов. Поэтому для Мики Нива оказался спасательным кругом, и ему было за что уцепиться, тогда как сам Нива был первоклассным пловцом и почти не погружался в воду.

Ни тот ни другой из юнцов не оказались желторотыми птенцами. Оба были в воинственном настроении и готовы были бороться, и хотя Мики и пробыл под водой большую часть времени, пока они плыли свои сто ярдов после первого падения в воду, однако он ни на одну минуту не сдавался в борьбе за то, чтобы иметь возможность высунуть нос на воздух. То он поворачивался на спину, то на живот; но какое бы он ни принимал положение, он работал своими лапами, как веслами. На некотором пространстве это очень помогало Ниве в его героических усилиях удержаться от слишком быстрого движения по воде самому. Если бы он был один, то его бы понесло течением, как мяч, покрытый шерстью, прямо в быстрину, но с четырнадцатифунтовым грузом на шее не пойти ко дну было для него тоже очень серьезной задачей. Раз шесть он скрывался на некоторое время под водой, когда Мики терял равновесие или что-нибудь из его тела – хвост, голова или ноги – вдруг начинало тянуть его книзу. Но каждый раз Нива всплывал на поверхность, всеми четырьмя жирными лапами борясь за жизнь.

Но вот уже приблизился и водопад. К этому времени Мики уже перестал появляться над водой и, к своему счастью, уже не чувствовал в полной мере ужаса перед новым потоком, в который они должны были неизбежно низвергнуться. Его лапы уже больше не работали. Он еще ощущал в своих ушах рев от воды, но все теперь как-то смещалось и стало казаться ему менее неприятным, чем вначале. Попросту – он стал утонать. Но Нива никоим образом не соглашался предаваться приятным ощущениям безболезненной смерти. И когда наступал самый финал катастрофы, то ни один медвежонок во всем свете не мог бы оказаться так настороже, как он. Все время его голова держалась над водой, и он определенно владел всеми своими чувствами. А затем вдруг сама река как-то выскользнула из-под него, и он ринулся вниз с массой воды, уже больше не чувствуя на своей шее тяжести от веса Мики.

Какова была высота водопада, Чаллонер мог только догадываться. Если бы самого Ниву спросили об этом, то он мог бы поклясться, что летел вниз целую милю. Мики же уже не был способен ни на какие вычисления, и для него теперь

было уже все равно: летел ли он вниз всего только два фута или целые две версты. Его лапы уже перестали работать, и он окончательно предоставил себя своей судьбе. Но Нива выплыл на поверхность снова, и Мики последовал за ним, как поплавок. Он уже был готов испустить свой последний вздох, когда силою течения, рикошетом отдавшегося от водопада, Ниву отбросило на край слегка залитого водой песчаного наноса. Сделав дикое, геройское усилие, Нива вытащил за голову и Мики, так что щенок повис на краю отмели, как висельник на конце своей веревки.

Глава VI

Отчаянным прыжком Нива выскочил на берег. Почувствовав под собою землю, он хотел было бежать, но в результате оказалось то, что Мики едва имел силы пройти по топкому месту два шага и затем, вдохнув в себя глубоко воздух, растянулся, как громадная улитка. Поняв, что его приятель в течение нескольких минут будет еще совершенно не способен продолжать путь, Нива отряхнулся и стал ждать. Но Мики быстро пришел в себя. Не прошло и пяти минут, как он встал на ноги и так бешено встряхнулся, что всего Ниву обдал грязью и водой.

Останься они на этом месте еще подольше – и все равно, через час или около того, их нашел бы здесь Чаллонер, потому что он уже греб окольными путями как раз к этому месту, держась около самого берега и приглядываясь, не всплывут ли их трупы. Возможно, что унаследованные от целого ряда поколений инстинкты предостерегли Ниву от возможности этой встречи, потому что не прошло и четверти часа после того, как они спаслись, как он уже тянул Мики прямо в лес, и тот послушно за ним следовал. Для щенка это было новым приключением.

Но Нива испытывал истинное наслаждение. Лес казался ему своим домом даже и без матери. После его безумных походов с Мики и с человеком-зверем прикосновение ступнями к мягкому бархатному ковру из сосновой хвои и знакомые запахи молчаливых глубин леса наполняли его все возраставшей радостью. Он опять был у себя дома. Он нюхал воздух, настораживал уши и дрожал от воодушевлявшего его сознания того, что теперь уж он будет сам себе хозяином. Это был для него новый лес, но это его мало беспокоило. Все леса

были похожи один на другой; его царство составляли сотни тысяч миль вокруг него, и отличать каждый из них отдельно было для него невозможно.

Для Мики же дело обстояло совсем иначе. Он не только сознавал, что все далее и далее отходит от Чаллонера и от реки, но его все более и более приводило в смущение то, что Нива заводил его во мрак и таинственные глубины дремучего леса. Наконец он решил заявить определенный протест и, чтобы выполнить это, так неожиданно вдруг сдал назад, что Нива, бежавший на другом конце веревки, в крайнем удивлении перевернулся на спину. Воспользовавшись своим положением, Мики с энергией лошади потянул его назад к реке и так протянул его футов десять или пятнадцать, пока наконец медвежонок не успел снова встать на ноги.

Тогда началась борьба, кто кого перетянет. Повернувшись друг к другу задом и упершись передними лапами в мягкую землю, они стали растягивать веревку в противоположные стороны, пока не вытянулись у них шеи и глаза не выскочили на лоб. Нива тянул настойчивее и спокойнее, в то время как Мики, будучи собакой, то рвался вперед, то делал неожиданные судорожные отступления назад, давая этим Ниве возможность с каждым таким отступлением продвинуться хоть немного вперед. Но как бы то ни было, а вопрос в конечном результате должен был решиться так; тот будет победителем, у кого окажется крепче шея. У Нивы шея была жирная, да, кроме того, и силенки было больше. Но и Мики был тоже не дурак. В нем самом и в его длинных костях было достаточно точек приложения, чтобы иметь возможность тянуть, как на рычагах. И, протащив Ниву еще футов двенадцать, Мики принудил его наконец к сдаче, и медвежонок в конце концов должен был последовать по тому направлению, которое выбрал Мики.

В то время как инстинкты Нивы могли бы сразу, одним махом, довести его обратно до реки, намерения Мики оказались лучшими, чем его чувство ориентации. Нива следовал за ним совершенно равнодушно, когда вдруг увидел, что его приятель делает какие-то совершенно ненужные круги, которые медленно, но верно удаляли их в противоположную сторону от опасной реки. Кончилось тем, что не прошло и четверти часа, как Мики окончательно сбился с дороги; он сел на задние лапы, посмотрел на Ниву и сознался в этом низким воем.

Нива застыл на месте. Его маленькие зоркие глаза вдруг увидели какой-то предмет, свешивавшийся в каких-нибудь пяти шагах от них с невысокого куста.

Прежде чем познакомиться со зверем в образе человека, медвежонок три четверти своего времени проводил в еде, а тут с самого вчерашнего утра ему пришлось съесть одного только жука. Желудок его был совершенно пуст, и то, что свешивалось теперь с куста, заставляло его от удовольствия глотать обильно появившуюся слюну. Это было осиное гнездо. Несмотря на свою еще такую недолгую жизнь, он уже несколько раз видел, как его мать Нузак подкрадывалась к таким гнездам, срывала их с веток, раздавливала их лапой и приглашала его позавтракать вместе с нею дохлыми осами. Весь последний месяц осы бесменно включались в их каждодневное меню, и они казались ему самым вкусным блюдом. Он потянулся к гнезду; Мики последовал за ним. Когда они находились от гнезда всего только в трех футах, Мики стал испытывать ощущение очень определенного и какого-то особого беспокойства от жужжания ос; Нива же был как у себя дома; рассчитав расстояние между гнездом и землей, он встал на задние лапы, подпрыгнул, отчего у Мики чуть не вылезли на лоб глаза, схватил гнездо передними лапами и сорвал его с сучка.

Тотчас же обеспокоившее Мики жужжание перешло в целый рев, походивший на звук от громадной дровяной пилы. Мать Нивы быстро, как молния, наступала на гнездо своей лапой и сразу же выдавливала из него всякую жизнь, Нива же по своему малолетству был способен только сорвать его и лишь немного помять. Случилось так, что три четверти всех обитателей гнезда находились дома и воинственно вылетели наружу. Прежде чем Нива успел наступить на него лапой во второй раз, осы уже целым облаком успели броситься на свою защиту, и тут-то в дикой агонии завизжал вдруг Мики. Осы опустили ему прямо на кончик носа и повисли. Нива не издал ни звука, но стоял на задних лапах, закрыв передними всю свою мордочку. Мики же, все еще визжа, стал зарываться носом в землю. В следующую за тем минуту все осы принялись за работу. На этот раз Нива уже заворчал и повернулся задом к гнезду, потащив за собою и Мики. Щенок совсем не был способен за ним идти. На каждом квадратном дюйме его нежной кожицы сидело по осе, и он чувствовал, как раскаленные докрасна иглы впивались ему в тело. Но Нива теперь разошелся уже вовсю: его голос превратился в один непрерывный вой, и к этому его басу присоединился тонкий дискант Мики. Получилась такая какофония, что если бы проходил мимо какой-нибудь индеец, то он, наверное, предположил бы, что там танцуют черти.

Теперь уж осы, которые, так сказать, представляли собою конницу, могли бы уж и возвратиться к своей потревоженной неприятелем крепости, так как этот неприятель обратился в беспорядочное бегство, если б не совершенно потерявший голову Мики, который побежал по одну сторону березки, тогда как Нива побежал по другую. Эта неожиданность остановила их обоих на пути с

такой силой, что у них обоих чуть не сломались шеи. Увидев это, осиный арьергард напал на них с новой силой. Придя в воинственный азарт, Нива перегнулся и хватил Мики по тому месту на его хребте, на котором было всего меньше волос. Уже полуослепленный и настолько вне себя от боли и страха, что совсем потерял всякую способность соображать и понимать, Мики вообразил, что острые, как бритвы, когти Нивы вонзились ему в спину еще глубже, чем укусы жужжавших так ужасно вокруг него ос, и, испустив отчаянный крик, решил дать ему отпор.

Этот отпор и послужил обоим к спасению. В своей мании постоянно извиваться, как змея, Мики обогнул березку, чтобы напасть на Ниву с другой стороны, и, когда таким образом освободилась сдерживавшая их веревка, Нива бросился искать от него спасения. Мики последовал за тем с громким лаем при каждом прыжке. Теперь Нива уже не испытывал ужаса перед рекою. Инстинкт подсказывал ему, что ему теперь нужна вода и нужна во что бы то ни стало. И с такою же точностью, как Чаллонер двигался вперед, пользуясь своим компасом, он сломя голову помчался по направлению к реке, но, не пробежав и нескольких сот футов, они вдруг наткнулись на небольшой ручей, через который оба могли бы перепрыгнуть. Нива бросился прямо в воду, в которой оказалось около пяти дюймов глубины, и в первый раз за всю свою жизнь Мики охотно погрузился в нее целиком. Долгое время оба лежали, и вода перекатывалась через их спины. Небо стало казаться Мики с овчинку и в глазах у него потемнело, так как он стал пухнуть от самого кончика носа и до самого своего костлявого хвоста. Нива же, будучи жирным, страдал менее. Он еще мог смотреть перед собою, и по мере того, как проходили в этих муках долгие часы, целый ряд воспоминаний пронесся в голове медвежонка. Конечно, все это началось с легкой руки этого зверя в образе человека. Это он лишил его матери; это он посадил его в темный мешок; это он обвязал вокруг его шеи веревку. Постепенно Нива стал считаться с тем фактом, что именно эта самая веревка и была причиною всех несчастий.

Пролежав долгое время в ручье, они наконец вышли из него и нашли мягкое сухое логовище у подошвы большого дерева. Даже для Нивы, у которого вообще было острое зрение, стало казаться в лесу темнее. Солнце уже склонялось к западу, и воздух становился прохладнее. Лежа на животе и положив распухшую голову на передние лапы, Мики жалобно скулил.

Опять и опять Нива смотрел на веревку, точно относительно ее у него зарождалась какая-то мысль. Он плакал. Частью это была у него скорбь по матери, а частью он просто вторил Мики за компанию. Он подлез к щенку

поближе, почувствовав вдруг непреодолимое желание иметь около себя кого-нибудь близкого. Ведь не Мики же был виноват во всем! Виноватыми были двуногий зверь и... эта проклятая веревка!

Вечерний сумрак сгустился вокруг них, и, прижавшись еще теснее к щенку, Нива взял в передние лапы веревку. С ворчаньем он потрогал ее зубами. Затем, решившись, стал ее жевать. То и дело он рычал, и в этом его рычании слышалась какая-то особая осведомительная нотка, точно он хотел сказать Мики: «Разве ты не видишь? Я перегрызаю эту веревку пополам. К утру я покончу с ней. Радуйся же! Для нас настанут лучшие дни!»

Глава VII

На следующий день после неприятного приключения с осиным гнездом Нива и Мики встали на все свои восемь одеревенелых и распухших лап, чтобы приветствовать свой новый день в глубине таинственного леса, в который их закинули события предыдущего дня. Дух неукротимой юности все еще не покидал их, и хотя Мики так весь распух от укусов ос, что его худощавое тело и несоизмеримые с ним ноги стали смешны еще более, чем прежде, – он все-таки нисколько не был склонен отказываться от дальнейших приключений.

Морда щенка была теперь кругла, как луна, а вся голова так распухла, что Нива мог бы подумать, что вот-вот она лопнет и разлетится на части. Но глаза Мики, насколько их можно было еще рассмотреть сквозь заплывшие веки, все еще по-прежнему горели задорным огоньком, и его большое ухо и половинка стояли так чутко, будто он каждую минуту ожидал со стороны Нивы распоряжений, что теперь делать и что предпринимать. Яд от укусов, по-видимому, не лишал его настроения. Он чувствовал, что стал а несколько раз толще, чем был, но это его не особенно удручало.

Благодаря тучности на Ниве как-то меньше было признаков борьбы с осами. Единственным его заметным недостатком был один совершенно закрывшийся глаз. Нива теперь глядел на все другим глазом, широко открытым и быстрым. Несмотря, однако, на то, что он так окривел, и на то, что ноги у него от укусов ос были теперь толсты, как колбасы, он все-таки был преисполнен оптимизма субъекта, увидевшего, что колесо фортуны повернулось в его сторону. Он

отделался от зверя в образе человека, хотя тот и убил его мать; перед ним опять открывались леса, приглашая его к себе; веревку, на которую Чаллонер привязал его и Мики вместе к разным концам, удалось успешно перегрызть, на что он потратил целую ночь. Отделавшись сразу от таких двух зол, он не удивился бы теперь, если бы вдруг сразу из-за деревьев вышла к нему сама Нузак. Одна мысль о ней заставила его заплакать. И Мики тоже сознавал полное свое одиночество в этой новой для него обстановке и, думая все время о хозяине, плакал с ним за компанию.

Но оба были голодны. Невероятная быстрота, с которой на них свалились несчастья, не дала им возможности даже поесть. Для Мики перемена была более чем простой неожиданностью; она овладела всем его существом, и он затаивал дыхание в предположении каких-нибудь еще больших неприятностей, тогда как Нива только и думал об одном лесе.

Точно убедившись, что все было как нельзя лучше, Нива повернулся задом к солнцу, как это обыкновенно делала его мать, и отправился в путь.

Мики последовал за ним. Вот тут-то он сразу и открыл, что вся эластичность его тела куда-то исчезла. Шея не поворачивалась, ноги стали как ходули и перестали сгибаться в сочленениях, и по пяти раз в течение каждых пяти минут он припадал на болевшие коленки и спотыкался о землю, стараясь не отставать от медвежонка. В довершение всего у него так распухли веки, что он плохо видел перед собой и в который уже раз, думая, что вовсе потерял Ниву, посылал ему вслед протестующие вопли. Вдруг Нива остановился и стал обшаривать носом под гнилым свалившимся деревом. Когда Мики подошел к нему, то он лежал уже на брюхе и кушал больших рыжих муравьев, стараясь ловить их как можно скорее, чтобы не упустить ни одного. Мики некоторое время наблюдал, как он это делал. Он сразу же понял, что Нива что-то ел, но ни за что на свете сам не мог бы догадаться, что именно он кушал. Будучи голоден, он приблизил свой нос к жевавшей пасти Нивы, высунул язык и стал лизать там же, где лизал и медвежонок, но ощущал одну только сухую шероховатость. И все время при этом Нива издавал радостные хрюканья, говорившие об удовлетворении. Целые десять минут он охотился на муравьев, пока наконец не съел всех до одного. После этого он отправился далее.

Немного позже они пришли к небольшому открытому пространству, где грунт был влажный и где, обнюхав почву и оглядев все кругом своим единственным глазом, Нива вдруг принялся раскапывать лапами землю. Скоро он выкопал

оттуда какой-то предмет, белый, толщиной и ростом с палец человека, и с аппетитом стал его жевать. Мики удалось стащить у него кусочек, но разочарование его было велико. Предмет оказался твердым, как дерево; повертев его на зубах, Мики с отвращением выплюнул его, а Нива с благодарным ворчанием подхватил этот кусок корешка и съел.

Они отправились далее. Целых два часа, в продолжение которых у Мики еле хватало сил идти, он следовал по пятам за Нивой, и по мере того, как уменьшалась в его теле опухоль, все увеличивался в желудке голод. Скоро голод превратился в одно сплошное мученье. До сих пор Мики не нашел ровно ничего, что ему можно было бы поесть, тогда как Нива на каждом шагу находил для себя все новые и новые яства. К концу второго часа поданный природой медвежонку счет из ее ресторана оказался прямо-таки неоплатным. Между другими блюдами он включал в себя: полдюжины зеленых и черных жуков, бесчисленное количество личинок, твердых и мягких, целые колонны черных и рыжих муравьев, несколько белых червяков, добытых из самой глубины загнивших стволов, кучу улиток, молодую лягушку, яйца кулика, который улетел из-под самого носа, и из растительного царства – корешки разных деревьев и заячью капусту. То и дело он наклонял книзу нижние побеги тополей и откусывал с них верхушки. Кроме того, он отгрызал от елок молоденькие лапки и слизывал древесный клей там, где мог его найти, и закусывал обыкновенной свежей травкой.

Многие из этих яств попробовал и Мики. Он съел бы и лягушку, но Нива его в этом опередил. Сосновый и еловый клей только вяз у него в зубах, и от его запаха и горечи его тошнило. Между улиткой и простым камнем он не нашел почти никакой разницы, а когда он попытался съесть первого попавшегося жука, то, как на грех, он оказался испускавшим из себя вонючую жидкость, как это делает обыкновенный клоп, так что Мики уже не продолжал своих попыток в этом направлении. Он также откусил один раз вершину от побега какого-то растения, но вместо тополя нарвался на что-то горькое, отчего у него целые четверть часа жгло язык. Наконец он пришел к заключению, что единственным блюдом из меню Нивы, которое он с трудом смог бы съесть, была трава.

Что касается удовлетворения своего собственного голода, то его компаньон чувствовал себя все счастливее всякий раз, как ему удавалось прибавить к странной коллекции в своем желудке еще что-нибудь новое. Нива полагал теперь, что может кататься как сыр в масле, и то и дело самодовольно похрюкивал, в особенности с тех пор, как его больной глаз стал открываться и

он мог видеть лучше. Несколько раз, когда он находил новые кучи муравьев, он с радостными взвизгиваниями приглашал на праздник и Мики. Но до полудня Мики следовал за ним по пятам, как верный телохранитель. Когда же Нива очень свободно разрыл гнездо, населенное сразу четырьмя громадными шмелями, убил их и съел, то на этом Мики и решил покончить.

С этого момента что-то подсказало Мики, что свое пропитание он должен был снискивать для себя сам. При одной только мысли об этом какая-то новая, неведомая дрожь пробежала по его телу. Глаза его теперь были открыты уже вполне, и опухоль на лапах уже опала. Кровь предков как-то сразу заговорила в нем и потребовала от него скорых и решительных действий, и он принялся за розыски сам. Он почуял еще не остывший в воздухе запах и побежал по нему, пока не выгнал куропатку, взлетевшую с громким хлопаньем крыльев. Это испугало его, но возбудило его еще больше. А еще через несколько минут, сунув нос в кучу хвороста, он уже лицом к лицу столкнулся со своим обедом.

Это был маленький кролик. Тотчас же Мики подскочил к нему и схватил его за спину. Услышав треск хвороста и крик кролика, Нива перестал есть муравьев и бросился к месту действия. Крик тотчас же прекратился, и Мики повернулся к Ниве, с триумфом держа кролика в зубах. Кролик уже не дышал, и с яростным ворчаньем Мики принялся раздирать его на части. Нива стоял тут же и одобритительно похрюкивал. Мики заворчал еще яростнее. Нива не испугался, но продолжал бросать на Мики просительные взгляды и стал умоляюще похрюкивать, а затем не выдержал и понюхал кролика. Мики тотчас же перестал ворчать. Возможно, что он вспомнил, как Нива приглашал его не раз отведать с ним жуков и муравьев. И они съели кролика вместе. Завтрак кончился только тогда, когда от кролика не осталось вовсе не только мяса, но даже шерсти и самих костей. Затем Нива сел на задние лапы и высунул свой красный язык, в первый раз за все время, как лишился матери. Это было признаком того, что его желудок был уже переполнен и что наступил момент благодущия. Теперь уже больше ему ничего не хотелось, разве только поспать, и, томно потянувшись, он стал подыскивать себе для этого подходящее дерево.

Со своей стороны, Мики со сладостным чувством полной сытости жаждал новой деятельности. В то время как Нива тщательно разжевывал свою пищу, Мики совершенно не заботился о своем пищеварении и поглощал ее прямо кусками и потому успел съесть чуть не четыре пятых всего кролика. Поэтому он более не чувствовал голода. Но теперь он как-то особенно остро сознавал происшедшую с ним перемену, и это случилось с ним в первый раз за все время с тех пор, как он

вместе с Нивой сорвался с лодки Чаллонера прямо в водоворот. Это случилось с ним потому, что он в первый раз убил и в первый раз отведал теплой крови, отчего во всем его существе появилось какое-то странное возбуждение, действовавшее на него сильнее, чем овладевшее им желание лечь на солнышке и сладко поспать. Теперь, когда он понял, что такое дичь, охотничьи инстинкты пробудились в каждой фибре его маленького существа. Если Нива не найдет сейчас себе для отдыха укромного местечка, то он отправится охотиться, пока будут держать его ноги.

И вдруг он с удивлением, от которого чуть не лишился своего ума, увидел, что Нива преспокойно стал взлезать по стволу на высокий тополь. Мики видел, как всползали на деревья белки и как взлетали на них птицы, – но чтобы мог вскарабкаться на дерево Нива, этого он никак не мог от него ожидать. Мики не мог прийти в себя до тех пор, пока медвежонок не расположился комфортабельно на вилообразном суку. Тогда, не поверив глазам, Мики залаял, обнюхал ствол дерева и попробовал нерешительно взлезть на дерево сам. Но, свалившись спиной на землю, он убедился, что для того, чтобы уметь взлезать на деревья, нужно быть специалистом. С чувством горького разочарования он отошел футов на пятнадцать или на двадцать назад и сел, чтобы обдумать положение. Он не допускал, чтобы Нива имел на дереве какие-нибудь особые занятия. Конечно, он не мог там охотиться на жуков. И Мики несколько раз ему полаял, но Нива не ответил. Тогда щенок понял, что делать больше нечего, и, безутешно заскулив, лег на землю.

Но спать он вовсе не собирался. Его безумно тянуло идти вперед. Ему хотелось проникнуть еще далее в таинственные и манящие к себе глубины леса. Он более уже не испытывал той странной боязни, которая угнетала его, пока он не загрыз кролика. В какие-нибудь две минуты мать-природа совершила одно из своих чудес по воспитанию. В эти две минуты из жалкого, хныкавшего щенка Мики вдруг сразу преобразился в животное, почувствовавшее в себе новые силы и понимание. Он сразу же усвоил всю ту науку, познание которой только затягивалось благодаря его общению с Чаллонером. Он убил, и почувствованный им от этого трепет сразу же воспламенил каждый дремавший в нем инстинкт. В течение получаса, пока он лежал на животе, а Нива спал на дереве, он, держа голову настороже и прислушиваясь, прошел целых полпути между состоянием щенка и сознанием взрослой собаки. Он никогда не знал своего отца, который считался знаменитой охотничьей собакой и однажды даже затравил громадного лося-самца. Но он чувствовал в себе его. Было что-то настоящее и требовательное в этом зове предков Мики. И потому, что он отвечал на этот зов и так чутко вслушивался в шептавшие ему из леса голоса, его острый слух и

услышал монотонное клохтанье дикобраза.

Мики не шелохнулся. Моментом позже он услышал мягкое постукивание иголками, и вслед за тем дикобраз вышел на открытое место, поднялся на задние лапки и стал греться на солнце.

Уже тринадцать лет этот дикобраз безмятежно жил в этом самом местечке дикого леса. В своем преклонном возрасте он весил целых тридцать фунтов. В это послеполуденное время, собираясь так поздно пообедать, он был более, чем обыкновенно, счастлив. В лучшем случае он плохо видел. Природа не постаралась создать его зрячим далеко и взамен этого снабдила его острыми иглами, которыми он мог бы защищаться. В каких-нибудь тридцати шагах он совершенно не замечал Мики, по крайней мере так казалось; и Мики еще плотнее прижался к земле, так как быстро пробудившийся в нем инстинкт подсказал ему, что связываться с таким странным животным с его стороны было бы неумно.

Чуть не целую минуту дикобраз простоял так на задних лапках, напевая свою дикобразью песню, без всякого видимого движения телом. Он стоял к Мики в профиль и походил на почтенного чиновника.

Он был так толст, что у него выпячивалось вперед брюхо, точно полушарие, и на этом брюшке он сложил передние лапки так, что совершенно походил на человека и скорее был похож на беременную женщину, чем на мужчину.

Вслед за тем Мики увидел дикобразиху, которая исподтишка вылезала из-под куста недалеко от дикобраза. Несмотря на уже преклонные годы, бес ударил старого дикобраза в ребро, он почувствовал в себе романтические порывы и тотчас же стал проявлять свои хорошие манеры и изящество. Он начал со смешного любовного танца, переступая с одной ноги на другую, так что стал трястись его живот, и заклохтал еще громче, чем до этого. Чары дикобразихи были способны вскружить голову даже не такому старику, каким был дикобраз. Поэтому она даже и виду не подала, что ей понравился любовный танец старого селадона, и, почувствовав это, он тотчас же изменил свою тактику и, опустившись на все свои четыре ноги, точно сумасшедший вдруг стал ловить себя за остроконечный хвост. Когда же он перестал это делать и огляделся, чтобы увидеть, какой это произвело на нее эффект, то, к своему разочарованию, заметил, что она уже скрылась. Затем он как-то глупо уселся на одном месте и не проронил больше ни звука. Потом, к изумлению Мики, он отправился прямо к

тому дереву, на котором спал Нива. Как оказалось, это дерево служило для дикобраза столовой, и он, все время что-то бормоча себе под нос, стал на него взбираться. Шерсть на Мики ошетижилась. Он не знал, что дикобразы, как и вся их порода, – самые добродушные существа в мире и никогда никому не причиняют вреда, если их не трогать первыми. Совершенно не имея об этом понятия, он вдруг бешено залаял, чтобы предупредить Ниву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzheyms-kervud/brodyagi-severa-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)